

ЭО, 2010 г., № 3

© Т.Г. Емельяненко

ПАМЯТНИКИ ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУХАРСКИХ ЕВРЕЕВ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ: ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ

Ключевые слова: Бухарские евреи, коллекции музейные, памятники этнографические, одежда традиционная, предметы быта, утварь, культовые предметы

Предметный мир представляет практически не изученную область традиционной культуры бухарских евреев. Путешественников и исследователей XIX – начала XX в. больше занимали вопросы их происхождения и правового положения в Средней Азии, хозяйственная деятельность и конфессиональные особенности. А в отношении одежды и предметов быта они, как правило, указывали, что те не отличаются от изготовлявшихся и бытовавших у народов, среди которых проживали бухарские евреи – таджиков и оседлых узбеков. Единственные упоминания касались обычно “отличительных знаков” в мужском костюме, предписанных им местными законами, – шапки особой формы, верхнего халата из темной хлопчатобумажной ткани, пояса в виде веревки, которые приводились авторами в качестве одного из примеров их униженного и бесправного положения в мусульманском обществе (Емельяненко 2008: 300–307). В 1920–1930-е годы, когда бухарские евреи ненадолго стали объектом этнографического изучения, их материальная культура, вероятно, по тем же причинам, что и прежде, не вошла (или не успела войти) в поле зрения специалистов. Не обращались к данной теме и в последующие десятилетия XX в., на протяжении которых бухарские евреи крайне редко привлекали к себе внимание отечественных этнографов. В настоящее время, когда традиционный быт и соответствующий ему предметный мир остались далеко в прошлом, восполнить этот пробел отчасти могли бы этнографические памятники в музейных собраниях, хотя история их комплектования и содержание коллекций во многом отражают историю исследования и состояние изученности традиционной бытовой культуры бухарских евреев в целом.

Сбор первых экспонатов связан с подготовкой Всероссийской политехнической выставки, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра I и открывшейся в Москве в 1872 г. Значительная часть ее должна была быть посвящена показу особенностей материальной культуры и прикладного искусства народов, населявших Российскую империю (Пятидесятилетие 1913: 168, 169), и с этой целью была развернута большая собирательская работа. В Средней Азии она проходила под руководством и при финансовой поддержке генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана. Практическая же часть была возложена на молодого ученого-естествоиспытателя А.П. Федченко, командированного в Туркестан Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Наряду с естественно-научными исследованиями и составлением зоологических коллекций он занимался сбором и этнографических предметов (Там же: 173). Свою работу Федченко начал с Зеравшанского

округа в 1869 г. (Федченко 1956: 164), и, вероятно, тогда же им было приобретено в Самарканде несколько вещей, принадлежавших проживавшим здесь бухарским евреям – мужской костюм и два отдельных головных убора (АРЭМ 2: 70)¹.

В составе Туркестанского раздела выставки, насчитывавшего более 1500 предметов, эти экспонаты занимали незначительное место, фактически лишь обозначая существование в среднеазиатском регионе данной этнической группы. Однако такой подход был предусмотрен задачами выставки: максимально продемонстрировать этническое многообразие империи, и национальный костюм служил для этого одним из наиболее выразительных средств. Среди народов Средней Азии единственным костюмом или несколькими наиболее типичными предметами одежды были представлены также индусы, среднеазиатские цыгане, дунгане, афганцы², хотя не все они могли сравниться с бухарскими евреями по происхождению, длительности и статусу проживания в регионе.

Так, дунгане, индусы и афганцы в основном являлись здесь сравнительно недавними или временными поселенцами, сохранявшими язык, национальные обычаи и особенности традиционного костюма, благодаря которым на выставке легко обозначалась этническая принадлежность каждого из них. Цыгане же попали в Среднюю Азию достаточно давно, и их одежда почти не отличалась от узбекской и таджикской (Народы 1963: 598, 604), как и бухарских евреев, история которых насчитывала в регионе не менее полутора тысяч лет (КЕЭ I: 566). Поэтому для показа “этнического облика” цыган был выбран женский костюм из свойственных ему ярких и многоцветных тканей, а бухарских евреев – мужской, который в жизни действительно имел своеобразные черты, но в данном выставочном варианте был не совсем похож на тот, какой реально существовал у них в то время.

В учетных документах он обозначен как “манекен туркестанского еврея”, и, очевидно, устроители выставки хотели особо продемонстрировать те изменения, которые произошли в одежде, а вместе с тем и в социально-правовом положении бухарских евреев в Туркестанском генерал-губернаторстве, образованном в 1867 г. на присоединенных к России территориях Средней Азии: там были отменены запреты и ограничения, действовавшие прежде в отношении немусульманского населения. Костюм включал и нарядный верхний халат из местного кустарного шелка *шойи* в полосатый рисунок, и запрещенный евреям прежде пояс-кушак. Такие халаты, которые у таджиков и узбеков отличали костюм знати и состоятельных людей, бухарские евреи раньше могли носить только внутри своих кварталов или прикрыв их верхним халатом из простых тканей.

Кушак же в действительности они так и не стали использовать, опоясываясь поясным платком или ремнем. Причиной, вероятно, было то, что у соседних народов, кроме утилитарных функций, он имел традиционно ритуальное значение и являлся важным конфессиональным символом, отождествляя или заменяя в костюме чалму – самый выразительный в Средней Азии знак принадлежности к исламу (Сухарева 1982: 65–66; Пещерева 1959: 329, 334), и, следовательно, эти виды одежды оставались неприемлемыми для бухарских евреев (Емельяненко 2008: 302).

Чалма справедливо не была показана на манекене, однако и старинные меховые шапки, покрытые тканью и с узкой меховой опушкой, которые они продолжали носить, также посчитали недостаточно выразительными. Действительно, по покрою они не отличались от шапок соседних народов, хотя и выходили в это время у тех из моды. По ним бухарские евреи легко узнавались на улицах Самарканда и Бухары, где чалма являлась головным убором большинства мужчин (Сухарева 1982: 76), но в прочих городах и в сельской местности эта разница была не столь заметна. Поэтому, вероятно, устроители выставки не включили такую шапку в костюм, демонстрируя ее отдельно среди других головных уборов. А костюм, чтобы не казался слишком похожим на узбекско-таджикский, дополнили характерной для восточноевропейских евреев шапкой, известной у них под названием *штраймл* (идиш) (КЕЭ VI: 110), которая по силуэту напоминала бухарско-еврейские, но имела совершенно иной покрой. Для большей

убедительности “еврейского облика” костюма к тюбетейке, на которую она была наде-та, были подколоты пряди волос, имитирующие пейсы.

Носили ли бухарские евреи на самом деле такие шапки, не ясно. Ни на одной из известных фотографий XIX – начала XX в. они не изображены в них. Однако в быту широко использовали предметы российского и европейского производства, а в обрядовой практике, что было даже престижно, – культовые предметы ашкеназских евреев, к которым хотя и относились с предубеждением, но признавали их религиозно более грамотными (Емельяненко: 2004а: 43–48). Поэтому и штраймл, которая являлась для их единоверцев своего рода знаком этноконфессиональной принадлежности, с этим же значением могла попасть к бухарским евреям, но, безусловно, не имела у них широко-го распространения, представляя скорее случайный, чем обычный головной убор.

Вместе с тем сам факт искусственного придания экспонировавшемуся на выставке костюму еврейских черт, как и включение в него не свойственных ему предметов, отражал тот уровень знаний о материальной культуре бухарских евреев и народов Средней Азии в целом, который существовал в то время. Вторая половина XIX – начало XX в. – период накопления этнографических сведений об этом ранее мало доступном для европейцев регионе. Первое же и поверхностное знакомство с бытовой культурой бухарских евреев оставляло впечатление, что ее предметный мир является полностью заимствованным. Известный собиратель этнографических коллекций по Средней Азии С.М. Дудин, который в 1898–1902 гг. приобрел для петербургских музеев (Этнографического отдела Русского музея и Музея антропологии и этнографии) более 7000 экспонатов практически по всем народам региона, не привез ни одного предмета быта бухарских евреев, объясняя это тем, что “и в обиходе, и в костюме у них все сартовское, ... а дублировать вещи я не мог по материальным соображениям” (АРЭМ 1: 469).

Такая точка зрения прочно утвердилась в дореволюционной этнографии, и те немногие предметы бухарских евреев, собранные для выставки 1872 г., долго оставались единственными экспонатами, представляющими их традиционно-бытовую культуру в музейном собрании. После закрытия выставки они хранились в Политехническом музее, а в 1902 г. вместе с другими ее экспонатами были переданы в Дашковский этнографический музей (Пятидесятилетие 1913: 173), собрание которого стало основой образованного в 1924 г. Государственного Центрального музея народоведения (*Шиллинг* 1926: 267, 269)³, переименованного в 1935 г. в Музей народов СССР. После его закрытия (1948 г.) этнографические коллекции поступили в фонды Государственного музея этнографии (ныне – Российский этнографический музей, РЭМ).

Среди переданных в РЭМ экспонатов было также еще несколько предметов бухарских евреев, собранных сотрудником Музея народоведения С.П. Преображенским в Самарканде во время экспедиции 1926 г. В 1920-е – начале 1930-х годов, как говорилось выше, предпринимались некоторые попытки этнографического изучения бухарских евреев. Но, поскольку их материальная культура не привлекала исследователей, то и в музейно-собирательской работе предметы повседневного быта бухарских евреев по-прежнему занимали второстепенное место. И главными объектами приобретений становились предметы, так или иначе связанные с их религиозными воззрениями, которые с наибольшей очевидностью демонстрировали отличие еврейской культуры от мусульманской.

Коллекция С.П. Преображенского насчитывала около 30 экспонатов (АРЭМ 3: 1–8). Четыре из них составили предметы одежды, отобранные в первую очередь с учетом этнорелигиозной специфики: мужская шапка *телтак* с околышем из черного каракуля и низким бархатным верхом, которые с конца XIX в. являлись наиболее распространенным головным убором бухарских евреев, небольшая матерчатая шапочка *аракчин*, традиционно надеваемая в Средней Азии под меховые шапки, но по форме схожая с *киттой* ашкеназских евреев, что, вероятно, и побудило собирателя ее приобрести, а также женские шапочка с накосником *култанушак* и халат старинного покроя *мунисак* (*калтача*). Несмотря на то что подобные шапочки и халаты были издавна

известны и в таджикско-узбекском костюме, в городах к началу XX в. култапушак, богато украшенные вышивкой шелком или золотым шитьем, какими являлись данные образцы, носили уже только бухарские еврейки (также местные цыганки) (АРЭМ 1: 156). А бытование мунисака, в это время существовавшего как траурная одежда, отличалось: если мусульманки ходили в них на поминки, накрывали умершую женщину (Сухарева 1982: 34–35), то бухарские еврейки – члены семьи умершего – должны были носить их дома в течение первых семи дней траура, пока им запрещалось выходить на улицу (АРЭМ 3: 1–2).

Остальную же часть коллекции составили атрибуты иудаизма – *талит катан* (бух.-евр. *бегет*) – специальное облачение, носившееся под одеждой; *тфиллин* – филактерии, укреплявшиеся на левой руке и на лбу во время молитвы, и мешочки для их хранения; *Мегиллот Эстер* (бух.-евр. *мгилло*) – свиток книги Эсфири, читаемой в праздник Пурим; *мезуза* – особый свиток со стихами из Пятикнижия, который крепится к внешнему косяку двери еврейского дома; различные бумажные амулеты с текстами молитв и заклинаниями против злых духов (бух.-евр. *комса*) (Там же: 5–8). Почти все они, за исключением одного амулета, написанного на таджикском языке в еврейской графике и изготовленного в Самарканде, палестинского происхождения и датируются, по записям собирателя, 1860-ми годами.

Предметы религиозного характера привозили эмиссары, посещавшие Среднюю Азию, или сами бухарские евреи, совершавшие паломничество (*хадж*) к святыням Иерусалима, что до революции было обычной практикой (Лужоль 2004: 135–141). Известна и специальная поездка за религиозной литературой и культовыми предметами, совершенная в 1860 г. группой самаркандских евреев во главе со старостой общины Моше Калонтаром, – они побывали в Москве, Вене, Вильно, Париже, Ливорно, Стамбуле, Яффе, Иерусалиме и в 1863 вернулись с большим количеством книг, мезузами, тфилин и др. (Абрамов 1993: 11). Все это сегодня ценнейшие источники по истории диаспоры бухарских евреев, однако иллюстрируют они более религиозно-культовую сторону их жизни, чем предметно-бытовую.

Важнейшим событием в истории комплектования музейных коллекций по этнографии бухарских евреев явилось основание в 1922 г. в Самарканде специализированного Туземно-еврейского музея. Инициатором выступило Еврейское историко-этнографическое общество, которое в 1921 г. командировало в Самарканд одного из своих членов – Исаака Симховича Лурье (1875–1930-е). Как указывалось в выданном ему удостоверении, подписанном Л.Я. Штернбергом, первоначально И.С. Лурье направился в Туркестан и Бухару всего на пять месяцев, с 1 ноября 1921 г. по 1 мая 1922 г., для проведения этнографических и антропологических исследований (АПИИ⁴ 2: 33). Но уже первые отчеты И.С. Лурье о собранных им материалах позволили Совету национальных меньшинств Туркестанской АССР, контролировавшего его деятельность, сделать заключение, что “поддерживает названного товарища как единственного ученого представителя среди туземных евреев” (Там же: 139–140). Весной 1922 г. было вынесено решение об учреждении музея (директором назначался И.С. Лурье) и выделении под него здания в еврейском квартале Самарканда – *махала-и яхудиён*⁵.

За годы его существования (1922–1938) усилиями сотрудников и прежде всего И.С. Лурье был сформирован обширный историко-этнографический документальный, фотоиллюстративный и вещевой фонд (Носоновский 1995: 187–247; Хейфец 1995: 248–269). В его документах нашла отражение и история самого музея. По ним известно, что уже в 1927 г. комиссии, обследовавшие работу музея, находят ее неудовлетворительной, отмечая, что мало внимания уделяется вопросам социального переустройства в жизни бухарских евреев и антирелигиозной пропаганде. В 1931 г. музей был лишен самостоятельного статуса и преобразован в туземно-еврейский отдел при Центральном музее Самарканда, а И.С. Лурье снят с должности и обвинен в “буржуазности и контрреволюционной агитации” (АПИИ 2: 122)⁶.

Происходят изменения и в направлении музейной работы. В отчете за 1932 г. премника И.С. Лурье Иосифа Бадалова читаем (дословно): “После того когда заминился зав. музей появилось революция в нашем музее и был переворот экспозиции по всем отделам” (Там же: 64). Под этим подразумевалось то, что прежние экспозиции срочно дополняются большим антирелигиозным разделом. Тем не менее в 1938 г. отдел закрывается со следующей формулировкой: “Признать существование специального отдела по местным евреям безусловной принципиальной ошибкой” (Там же: 160).

Понятно, что причины заключались не в характере деятельности музея⁷. Среди его сотрудников, помимо И.С. Лурье – опытного музейщика и этнографа, были Т.А. Жданко и Г.С. Снесарев⁸, впоследствии известные исследователи традиционной культуры народов Средней Азии. С музеем был связан востоковед и лингвист И.И. Зарубин, собиравший в то время в Самарканде материалы по языку местных евреев⁹. Положительно оценивали работу музея и специалисты, в том числе директор Музея антропологии МГУ, собиратель коллекций и автор ряда публикаций по грузинским евреям М.С. Плисецкий (АПИИ 3: 154–156). Вместе с тем условия, в которых создавался и существовал музей, задачи, ставившиеся перед ним руководящими органами, отразились на содержании его собрания. Вещевые коллекции занимали в нем не самое значительное место и, судя по сохранившимся экспонатам и архивным данным о поступлении в музей, насчитывали не более 70–80 предметов, значительно уступая по объему документально-иллюстративному фонду, в большинстве своем отражающему различные стороны современной социальной, хозяйственной и культурной жизни бухарских евреев; фрагментарны и малочисленны были также описания традиционного быта и обычаев.

Часть вещевого фонда¹⁰ составляли предметы культа – футляры для свитков Торы (один из них, металлический, с выгравированными библейскими стихами и “персидским” орнаментом, датировался 1728 г.); ханукальные лампы – масляные светильники особой формы, зажигаемые в праздник Хануки; плетка с серебряной рукояткой для религиозного бичевания в Йом-Киппур – праздник, связанный с покаянием и искуплением грехов; четки, пасхальное блюдо, различные амулеты с каббалистическими и библейскими надписями (АПИИ 2: 230–233).

Среди предметов бытовой культуры впервые нашли отражение занятия бухарских евреев. К ним относились, например, емкости и инструменты для окраски пряжи натуральным красителем *индиго* (*нил*) – большой глиняный сосуд для краски *хум* и низкий *тагора* для складывания мокрой пряжи, палки для вынимания мотков, плоский камень *санг* и деревянный молот *такмак*, которым на нем отбивали пряжу перед просушкой, мотки окрашенных нитей (АПИИ 1: 255–256). Крашение шелка издавна было сосредоточено в руках бухарских евреев (*Логофет* 1913: 481; *Гребенкин* 1872: 210–211), особенно индиговое крашение (холодным способом). Среди других этнических групп профессия *кабудгар* (тадж.; узб. *бўёқчий*) – красильщик индиго – считалась презренной и не допустимой для мусульманина. Правда, были известны случаи, когда в помощники к ним нанимались узбеки, но обычно это были бедняки или приехавшие в город на заработки из дальних кишлаков и относившиеся к данной работе как временной (ПМА 1).

В коллекции были включены также тонкие шелковые ткани для платков и женских платьев, орнаментированные в технике *гулбаст* (тадж.) – последовательной окраской в разные цвета зарезервированных перевязкой фрагментов узора (тип батика), изготовлением которых занимались преимущественно бухарские евреи (*Сухарева* 1966: 171).

В собрании были представлены различные лекарственные растения (АПИИ 4: 273–283), поскольку бухарские евреи были широко известны как искусные лекари, хранившие старинные рецепты и способы лечения народной медицины. Религия не позволяла им прибегать к услугам мусульманских врачей, и в их среде всегда имелись опытные, потомственные лекари, к которым, напротив, охотно обращалось и мусульманское население (*Абрамов* 1993: 40).

Одежда бухарских евреев приобреталась преимущественно с учетом этноконфессиональной специфики (АПИИ 1: 267–272), хотя отбиралась по разным критериям. Так, в коллекции вошли предметы, служившие “отличительными знаками” еврейского костюма в прошлом, – шапки и веревка для опоясывания верхнего халата, и обрядовая одежда – женская рубаха из белой хлопчатобумажной ткани с вышитыми на спине и груди каббалистическими знаками (СМИК кол. Э13–233), которые привозили из Палестины и надевали во время родов, и мужской халат из белого кустарного полушелка для праздника Йом-Киппур (СМИК кол. Э12–231). Собиратели приобрели в коллекции специфические женские головные уборы – девичью золотешвейную шапочку *туппи тос* и *лачак* – кусок белой ткани, прикрывающий грудь и подбородок (СМИК кол. Э12–218), который бухарские еврейки носили после рождения первого ребенка до глубокой старости.

Остальные предметы одежды – мужские халаты, женские платья, камзолы и мунисаки, по виду не отличавшиеся от таджикско-узбекских, тем не менее содержали какие-либо признаки, присущие одежде именно бухарских евреев и проявлявшиеся в характере тканей, покрое, деталях отделки. Так, один из халатов (СМИК кол. Э12–1) имел подкладку из чистого шелка, что не допустимо было бы для мусульманина, в costume которого нательная одежда и внутренняя сторона халата изготовлялись из бумажных тканей. Иначе считалось, что его молитва не будет услышана Аллахом (Записки 1983: 74).

Обращает внимание и то, что вся вошедшая в собрание одежда сшита из дорогих шелковых и полушелковых местных кустарных или импортных тканей, парчи. Одно женское платье, как следует из описания, было расшито золотыми и серебряными нитями. Так же украшен был и один из камзолов (АПИИ 3: 262–266). Среди таджиков и узбеков такая одежда в прошлом была доступна лишь наиболее состоятельным, а в мужском costume, согласно мусульманским правилам, позволительна только знати. О бухарских же евреях современники писали, что большинство из них “очень зажиточный народ” и уровень их благосостояния намного выше, чем у соседнего населения (Материалы 1879: 93; *Логофет* 1913: 480), что внутри своих кварталов “они одеваются в шелка и бархаты” (*Марков* 1901: 402). Это, вероятно, вряд ли можно было отнести к повседневной одежде большей части бухарских евреев, но свидетельствовало об отсутствии у них каких-либо сословных ограничений. Приобретая в музей рядные и дорогие образцы одежды, собиратели либо руководствовались тем, что они действительно были распространены среди них достаточно широко, либо придавая первостепенное значение их художественной выразительности, хотя, возможно, оба фактора играли свою роль. Вместе с тем одежда во всем многообразии возрастных, социальных и иных вариантов в собрании представлена так и не была.

Возможно, расширить и сделать более комплексным собрание вещевых коллекций помешало закрытие музея, хотя определенные идеологические установки того времени, как и недооценка научного значения предметного мира традиционно-бытовой культуры бухарских евреев для изучения их культуры, также сказались на их объеме и содержании¹¹.

Возобновилась музейно-собирательская работа в этом направлении лишь в конце 1980-х – 1990-е годы, и приобретаемые предметы представляли уже отдельные реликты давно ушедшей в прошлое эпохи. Бухарские евреи раньше, чем таджики и узбеки, ввели в свой быт европейские предметы, хотя так же, передавая из поколения в поколение, долго сохраняли отдельные старинные и традиционные для них вещи. Работа по возобновлению сбора предметов пришлось на время массовой эмиграции бухарских евреев из Средней Азии, и расставаться с вещами их зачастую вынуждал отъезд.

В 1990-е годы началось целенаправленное комплектование коллекций по бухарским евреям в РЭМ, в котором до этого числилось лишь несколько бухарско-еврейских экспонатов, переданных ему в 1948 г. из московского Музея народов СССР после его закрытия. В настоящее время они насчитывают более 200 экспонатов (РЭМ кол. 11540,

11567, 11631, 11833, 12095, 12351)¹². Большинство из них составили мужская и женская одежда, ювелирные украшения конца XIX – начала XX в. Несколько предметов – это традиционная домашняя утварь, преимущественно ритуального характера: большие медно-луженые плоские блюда *лали*, на которых, перевернув их кверху дном, раскатывали тесто для мацы, и применявшаяся для этого скалка *ранда* с металлическими зубьями, медные уполовники и котелки, используемые для приготовления пасхальной пищи. Считалось, что посуда из меди ритуально наиболее чистая, поэтому старинные образцы бережно хранили, тем более что после революции местные медники – таджики и узбеки – ее уже не изготавливали. Это серебряные бокалы в форме рюмки и пиал, над которыми в Шабат и праздники произносится благословение вина, глиняный сосуд *хум* для вина¹³.

В коллекции включены предметы праздничного убранства дома – вышитая скатерть, которой покрывали низкий столик *шульхон*, устанавливаемый в шалаше в дни праздника Суккот, настенные вышивки, которые по их заказу делали таджикские вышивальщицы, но с учетом вкусов бухарских евреев, что проявлялось порой в незначительных, но местным населением всегда узнаваемых особенностях расцветки ткани, колорите и характере узоров¹⁴. Среди синагогальных предметов – *тик* – деревянный цилиндрический футляр для хранения свитка Торы, датированный концом XVIII – началом XIX в., и *римоним* – парные серебряные навершия для него производства европейских ювелирных мастерских конца XIX в.

Одежда, как и в собрании Туземно-еврейского музея, представлена в РЭМ нарядными халатами, платьями, головными уборами (в силу того, что в семьях долгие сохранялись наиболее дорогие и престижные образцы). Кроме того, у бухарских евреев было принято, чтобы на свадьбе отцы новобрачных были в халатах, в которых женили своих детей их отцы, деды. Считают, что тем самым передается традиция счастливого брака. Во время главного обряда свадебного цикла *кидуш* матери и сестры жениха и невесты до сих пор надевают поверх современного костюма традиционные широкие платья с воротником-стойкой. В Средней Азии они вошли в моду в конце XIX в., но получили наиболее стойкое распространение именно среди бухарских евреек и именовались у них особым термином – *сарти* (ПМА 3). В коллекции включены и женские платья из белого шелка и гипюра, надеваемые на Йом-Киппур, а также полный женский костюм, предназначенный для этого дня, приобретенный в семье бухарских евреев Коканда и включающий традиционного покроя платье, штаны и сапоги из ткани, стеганные на вате. В нескольких вариантах представлены женские шапочки *тупти тос* и сетчатые треугольные платки *румоли пулакчи*, расшитые металлическими бляшками, которые в Средней Азии также носили исключительно бухарские еврейки.

Ювелирные украшения, вошедшие в собрание РЭМ, отличаются не столько виды и формы, в основном типичные и для соседнего населения, сколько большее использование золота. В местной мусульманской традиции ювелирного искусства предпочтение отдавалось серебру, наделяемому в народных представлениях особыми магическими свойствами. Кроме того, считалось, что золото исходит от самого Аллаха и обращаться с ним позволено лишь самым благочестивым, а носить золотые украшения могут только привилегированные слои населения – правители, их жены и приближенные как знак высокого социального положения.

Бухарские же евреи, напротив, отдавали предпочтение золоту, и их ювелиры издавна работали с этим металлом, изготавливая из него не только тонкие пластинчатые покрытия на изделия с мастичной или серебряной основой, как в таджикско-узбекских украшениях, но и целиком из золота – браслеты с прорезным узором, серьги, нагрудные украшения¹⁵. Некоторые виды украшений были характерны только для бухарских евреек, как, например, *кальмола софиги* – ожерелье из жемчуга, золотых штампованных пластинок и ажурных филигранных шариков; другие отличались специфическими элементами, к примеру, ажурными сердцевидными пластинками, ромбовидными

детальями, составленными из звеньев скрученных из тонкой золотой проволоки спиралек, обилием жемчуга и жемчужных подвесок.

Таким образом, отбирались вещи с какими-либо признаками, указывающими на их бухарско-еврейскую принадлежность, которые выявлялись благодаря сопровождающим их пояснениям владельцев – бухарских евреев, а также при сопоставлении с аналогичными предметами в узбекских и таджикских коллекциях РЭМ. При этом анализ музейных материалов со всей очевидностью показывает, что предметный мир традиционно-бытовой культуры бухарских евреев, несмотря на его визуальную идентичность с предметным миром окружающего населения, сформировался в соответствии с их собственным историческим опытом, культурными ценностями и мировоззрением и представляет самобытное явление¹⁶. Определять его компоненты и их особенности сегодня довольно сложно из-за отсутствия систематической предшествующей научной работы по данной теме, но каждый новый экспонат открывает для этого дополнительные возможности.

В 2002 г. свою коллекцию традиционных предметов быта бухарских евреев (12 экспонатов) составил Центр “Петербургская иудаика” (Санкт-Петербург), в программе которого научно-собираТЕЛЬская и выставочная работа занимает значительное место. Коллекция включила предметы традиционной женской одежды и убранства шалаша праздника Суккот, скалки для раскатывания обрядовых лепешек, прибор для изготовления свечей, используемых в ритуалах бухарских евреев¹⁷, *тфиллин* сефардского типа¹⁸, датированные первой половиной XX в. Эти вещи приобретались непосредственно у бухарских евреев, еще проживавших в то время в Средней Азии. И в этом их особая этнографическая ценность, поскольку такая возможность в настоящее время, из-за массовой эмиграции бухарских евреев из Средней Азии, становится все более редкой. А те, кому, уезжая, они продавали свои семейные реликвии, и которые теперь предлагают их музеям, не располагают достоверной информацией об их происхождении и бытовании.

К сожалению, в музеях Узбекистана, кроме Самарканда, где хранятся коллекции Туземно-еврейского музея, традиционно-бытовая культура бухарских евреев представлена единичными экспонатами (в музейных собраниях Ташкента, Бухары, Коканда, Ферганы), приобретенными в основном в 1980–1990-е годы у эмигрирующих бухарских евреев. Вероятно, они могли быть многочисленнее, но отсутствие у местных музеев средств сдерживало собирательскую работу, а если и предоставлялась возможность покупки, то предпочтение отдавалось ритуальным предметам (*Вышенская* 1995: 43–44).

Вместе с тем малочисленность памятников бытовой культуры бухарских евреев в музейных коллекциях, во всяком случае, зарегистрированных в них как таковые, не всегда отражает реальное положение. Собиратели коллекций по этнографии таджиков и узбеков в городах, где существовали общины бухарских евреев, нередко включали в них вещи, принадлежавшие последним, так как опыт или знания не всегда позволяли им заметить возможные отличия. Известно, что С.М. Дудин приобретал многие из будущих экспонатов своих обширных коллекций на местных базарах из-за “полной почти невозможности доступа в сартовские жилища” (АРЭМ 1: 3). И хотя старался выяснять их происхождение и бытование, не всегда полученные сведения оказывались исчерпывающими и достоверными. В его коллекциях по таджикам и оседлым узбекам можно выявить целый ряд типичных для бухарских евреев предметов: женские шапочки с наконником *култанушак* (РЭМ кол. 31 – 68, 104; кол. 58 – 286, 287), характерные золотые ювелирные украшения (РЭМ кол. 31 – 67, 107) и даже *талит* – еврейское молитвенное покрывало, описанное собирателем как образец текстиля самаркандских ткачей (РЭМ кол. 58 – 212).

Аналогичная картина наблюдается в Бухаре, хотя здесь проживала самая патриархально-консервативная в быту община бухарских евреев. В специальный фонд бухарских евреев в Бухарском государственном архитектурно-художественном музее-

заповеднике выделены только культовые предметы, религиозные книги и документы, и то по большей части приобретенные в последние годы (*Вышенская* 1995: 43; ПМА 3). А вся одежда и ювелирные изделия, некоторые образцы которых нередко и покупались у бухарских евреев, отнесены в фонд “основного” народа – узбеков. Даже типично еврейская шапочка *туппи тос*, выставленная в экспозиции филиала музея – Ситорай-мохи-хоса – летнем дворце последнего эмира, обозначена в экспликации как узбекская (ПМА 3). Некоторым оправданием подобных “ошибок” является то, что предметы быта, одежда и украшения бухарских евреев зачастую более качественно и художественно ценны, чем такие же предметы у соседних народов, что обычно и привлекало в них собирателей.

В настоящее время, когда бухарские евреи в результате массовой эмиграции практически исчезли с этнической карты Средней Азии, музеи в местах их нового проживания получили возможность приобретения этнографических предметов непосредственно у “носителей культуры”. Наиболее значительны этнографические собрания по бухарским евреям в Израиле – в Израильском музее¹⁹ и Музее диаспоры. Они располагают предметами, приобретенными как у бухарских евреев, переселившихся туда в последние десятилетия, так и у тех, чьи предки обосновались там еще в конце XIX – начале XX в. Важно подчеркнуть, что инициаторами выставочных и музейных проектов часто выступают сами бухарские евреи, которым, несмотря на таможенные запреты, удалось вывезти все-таки немало предметов своего традиционного быта. Примером этого может служить музей, открытый ими в Квинсе (район Нью-Йорка), где обосновалась значительная часть переселившихся в США бухарских евреев. Сам факт подобных инициатив свидетельствует о том, какую важную роль бухарские евреи отводят памятникам традиционной культуры в определении своей идентичности, границы которой неизбежно стираются в новых условиях их проживания, и насколько дорога им память о “среднеазиатском прошлом” своей истории.

Примечания

¹ В настоящее время они, как и другие экспонаты Туркестанской коллекции выставки, хранятся в РЭМ: кол. 8762 – 33763–33770.

² РЭМ кол. 8762 – 33744–33753, 33755–33762, 33774–33785, 33931–33934, 33938, 33941–33943, 33946, 33947.

³ С 1935 г. Музей народов СССР.

⁴ Ссылки на материалы архива Туземно-еврейского музея, хранящегося в Государственном Самаркандском историко-архитектурном и художественном музее-заповедник (СМИК)е, даются по их ксерокопиям, которые в 1992 г. были сделаны сотрудниками Петербургского еврейского университета (в настоящее время – Петербургский институт иудаики, ПИИ), и Центра еврейского искусства при Иерусалимском университете (1950 листов копий), и согласно учетным обозначениям Архива ПИИ, в котором они находятся.

⁵ О создании и деятельности музея см.: *Носоновский* 2005: 156–160.

⁶ В 1932 г. И.С. Лурье окончательно увольняют из музея. О его дальнейшей судьбе сведения отсутствуют.

⁷ Еще в 1929 г. был закрыт Еврейский музей в Ленинграде.

⁸ В частности, они участвовали в разработке тематического плана антирелигиозного раздела экспозиции: Г.С. Снесарев вел тему “Происхождение иудаизма и еврейских праздников”, Т.А. Жданко – “Современный иудаизм и его классовая сущность” (АПИИ 2: 64, 83–86).

⁹ Результаты работы были опубликованы: *Зарубин* 1928: 95–180.

¹⁰ При описании вещевого собрания Туземно-еврейского музея нами приводятся данные из архивных материалов, в отношении отдельных экспонатов – их учетные обозначения и данные из коллекционных описей СМИК.

¹¹ Собрание Туземно-еврейского музея сохранилось не полностью. В настоящее время только около 50 предметов находятся в Самаркандском музее-заповеднике. Наиболее ценные экспонаты были переданы в музей Ташкента, несколько предметов отправлено в Историко-краеведческий (?) музей Душанбе (*Абрамов* 1993: 43), однако определить их точное количество и ознакомиться с ними нам не удалось.

¹² Описание некоторых экспонатов и сведения о их поступлении в собрание РЭМ см.: *Емельяненко* 1997: 33–62, 65–74; *Емельяненко* 2004б: 19–25.

¹³ В XX в. приготовление домашнего вина для ритуальных целей становилось все более редким, и обычно лишь некоторые семьи общины делали его как для себя, так и на продажу. Большинство же использовало вино, приобретенное в магазинах (ПМА 2).

¹⁴ По рассказу одной самаркандской таджички, ее двоюродная прабабушка была бухарской еврейкой. Ее все любили в семье, но вышивки, которые она принесла в приданом, никогда не вешали на стены, как это принято в Самарканде, и не пытались сохранить, а после ее смерти все продали (ПМА 4).

¹⁵ Таджикские ювелиры Бухары начали изготавливать украшения из чистого золота только в конце XIX в. (*Ермакова* 2000: 20, 34).

¹⁶ Рассмотрение некоторых аспектов данной темы см.: *Емельяненко* 2004а, 2007.

¹⁷ Мусульманские народы Средней Азии в своей обрядовой практике традиционно использовали масляные светильники (*Костенко* 1871: 45; *Наливкин, Наливкина* 1886: 86).

¹⁸ В 1990-е годы на бухарских евреев сильное влияние оказывали религиозные деятели хабдского направления, в частности, раздавали им тфилин ашкеназского образца, объясняя, что их прежние “устарели” (ПМА 2).

¹⁹ Каталог выставки музея, посвященной бухарским евреям, см: *Vokhara* 1968.

Источники и литература

Абрамов 1993 – *Абрамов М.М.* Бухарские евреи в Самарканде (1843–1917 гг.). Самарканд, 1993.

АПИИ 1 – Архив Петербургского института иудаики. Ф. 5. Оп. 5. Д. 1.

АПИИ 2 – Архив Петербургского института иудаики. Ф. 5. Оп. 5. Д. 9.

АПИИ 3 – Архив Петербургского института иудаики. Ф. 5. Оп. 5. Д. 31.

АПИИ 4 – Архив Петербургского института иудаики. Ф. 5. Оп. 5. Д. 32.

АРЭМ 1 – Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 247: “Отчеты С.М. Дудина художника-фотографа о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. для изучения труда и быта местных жителей”.

АРЭМ 2 – Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36: Описание Туркестанской коллекции.

АРЭМ 3 – Архив Российского этнографического музея. Ф.1. Оп. 4. Д. 227: Полевая опись.

Вышенская 1995 – *Вышенская Т.* Результаты экспедиции в Среднюю Азию. Обзор // Бухарские евреи в прошлом и настоящем: Экспедиции, исследования, публикации: Сб. науч. тр. СПб., 1995. С. 20–69.

Гребенкин 1872 – *Гребенкин А.Д.* Таджики // *Русский Туркестан*. Вып. 2. М., 1872. С. 1–50: 210–211.

Емельяненко 2004а – *Емельяненко Т.Г.* Вещевые этнографические памятники и самосознание бухарских евреев // *Этнографический источник: Матер. Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений*. СПб., 2004. С. 43–48.

Емельяненко 2004б – *Емельяненко Т.Г.* Коллекции по бухарским евреям в собрании Российского этнографического музея // *Еврейский музей: Сб. ст. СПб., 2004. С. 11–26.*

Емельяненко 2007 – *Емельяненко Т.Г.* Традиционная утварь для ритуальной пищи бухарских евреев // *Питание в культуре этноса: Матер. Шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений*. СПб., 2007. С. 154–158.

Емельяненко 2008 – *Емельяненко Т.Г.* “Отличительные знаки” в традиционном костюме бухарских евреев // *Жилище и одежда как феномен этнической культуры: Матер. Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений*. СПб., 2008. С. 300–307.

Ермакова 2000 – *Ермакова Е.С.* Женские ювелирные украшения Бухары конца 19 – начала 20 века. М., 2000.

Записки 1983 – *Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демизона и И.В. Виткевича)*. М., 1983.

Зарубин 1928 – *Зарубин И.И.* Очерк разговорного языка самаркандских евреев // *Иран*. Т. II. Л., 1928. С. 95–180.

КЕЭ – *Краткая еврейская энциклопедия*. В 11-ти т. Иерусалим, 1976–2005.

Костенко 1871 – *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб., 1871.

- Логофет* 1913 – *Логофет Д.* В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). СПб., 1913.
- Марков* 1901 – *Марков Е.* Россия в Средней Азии. Очерки путешествий. СПб., 1901.
- Материалы* 1879 – Материалы для статистики Туркестанского края / Под ред. Н.А. Маева. Вып. V. СПб., 1879.
- Наливкин, Наливкина* 1886 – *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
- Народы* 1963 – Народы мира. Этнографические очерки. Т. II: Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963.
- Носоновский* 1995 – *Носоновский М.* Библиотека и архив Туземно-еврейского музея в Самарканде. Опись материалов // Евреи Средней Азии в прошлом и настоящем: Экспедиции, исследования, публикации: Сб. науч. тр. СПб., 1995. С. 187–247.
- Носоновский* 2005 – *Носоновский М.* Первый Туземно-еврейский музей // История бухарских евреев. Новый и новейший период (1865–2000). В 2 т. Т. I. Нью-Йорк, 2005. С. 156–164.
- Пещерева* 1959 – *Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Узбекистан (Самарканд, Бухара). Июль 1986 г.
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Узбекистан (Ташкент, Самарканд, Бухара). Декабрь 1993 г. – январь 1994 г.
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Узбекистан (Ташкент, Самарканд, Бухара, Маргилан). Ноябрь–декабрь 2002 г.
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Узбекистан (Самарканд). Август 2007 г.
- Пужоль* 2004 – *Пужоль К.* Связи между Центральной Азией и Палестиной, или пути аффективного сионизма. 1793–1917 // Евреи Средней Азии: вопросы истории и культуры. Ташкент, 2004: С. 132–150.
- Пятидесятилетие 1913 – Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862–1912: Исторический очерк. М., 1913.
- Сухарева* 1966 – *Сухарева О.А.* Бухара. XIX – начало XX в. М., 1966.
- Сухарева* 1982 – *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина 19 – начало 20 века). М., 1982.
- Федченко* 1956 – *Федченко А.П.* Сборник документов. Ташкент, 1956.
- Хейфец и др.* 1995 – *Хейфец М., Носоновский М., Вышенская Т.* Фотоархив Туземно-еврейского музея в Самарканде. Обзор материалов // Евреи Средней Азии в прошлом и настоящем: Экспедиции, исследования, публикации. СПб., 1995. С. 248–269.
- Шиллинг* 1926 – *Шиллинг Е.* Государственный Центральный музей народоведения // Этнография. 1926. № 1/2. С. 267–270.
- Bokhara* 1968 – *Bokhara* (cat. no. 39). The Israel Museum, Jerusalem, 1967–1968.
- Emelyanenko* 1997 – *Emelyanenko T.* Central Asian Jewish Costume // Facing West. Oriental Jews of Central Asia and the Caucasus. Amsterdam, 1997. P. 33–62; 65–74.

T.G. Emelyanenko. Artifacts of the Traditional Everyday-Life Culture of the Bukhara Jews in Museum Collections: The Particularities of Fulfillment

Keywords: Bukhara Jews, museum collections, ethnographic artifacts, traditional clothing, everyday-life objects, household utensils, cult objects

The article makes an attempt at tracing the connection between the fulfillment of ethnographic artifacts related to the culture of the Bukhara Jews in museum collections, and the history and trends of studying their traditional everyday-life culture over the last 150 years. A number of specific collections and objects are analyzed from the perspective of how the object world of the discussed culture – as well as of the neighbor cultures – is reflected in them.